

И. С. БРИЛЕВА

Грех: формы архивации в народной памяти

Грех — понятие христианское, которое определяется как беззаконие, преступление заповеди Божией¹. В силу включенности 'греха' в морально-этическую сферу сознания, определяющую нормы поведения человека, — в сферу сознания, которая в традиционной народной культуре еще в дохристианские времена была сформирована древними мифологическими представлениями, народная трактовка греха значительно шире, чем его ортодоксальная интерпретация. «Грех — все, что противоречит норме и влечет за собой карающую реакцию природы (или высшей силы)»². «Ядро» текстового пространства, репрезентирующего концепт 'греха', составляют фольклорные сюжеты, в которых с максимальной полнотой воплотились христианские представления, однако несомненный интерес для исследования представляют и отображающие преимущественно мифологическую модель мира тексты, в основе которых — разные формы «архивации» концепта 'грех' через «систему правил» (запретов и предписаний).

В логической структуре запрета выделяются две части: собственно запрет (*нельзя / грех делать что-то, не делай то-то*) и его мотивацию (*если сделаешь / сделать, случится то-то: нарушение запрета → негативные последствия, наказание*)³. Получая вербальное воплощение, запреты и предписания (запрет по своей форме — это негативное предписание) определяют принципы построения некоторых «малых форм» с сакрально-консервирующей функцией. Малые фольклорные прозаические формы нередко сопровождаются подтверждающими их нарративами, мотивация запрета (предписания) перерастает в развернутое повествование. Один и тот же запрет может иметь несколь-

ко оснований для мотивации, восходящих часто к разным мировоззренческим системам и порожда-

ющих разные типы сюжетов.

В зависимости от коммуникативной ситуации (условий бытования) текстовую реализацию обретают те или иные составляющие логической основы запрета, во многом определяя структурную организацию фольклорных произведений: некоторых пословиц, поговорок, поверий, комментирующих их нарративов и их функциональных объединений (сверхжанровых единств).

Рассмотрим две сюжетно-тематические группы текстов (записи сделаны в 1993–2000 гг. фольклорными экспедициями ученых МГУ им. М. В. Ломоносова): (А) прозаические формы, фиксирующие и объясняющие бытовую запрет *убивать ужей*, который в народной традиции, в отличие от ортодоксальной, оценивается как грех; (Б) фольклорные тексты, в которых христианский грех уныния (частный случай которого — *тоска по покойному*) осмысливается в соответствии с древними мифологическими представлениями.

(А). Основой структуры поверья является название, декларация греха/ запрета (*грех/ нельзя что-либо делать*):

(1) «Ужаку *грех* бить» (АКФ⁴ Волгоградская обл., собиратели Е. Живица, Н. Феклисова).

Поверье строится на оппозиции 'запрет ↔ предписание, греховное ↔ дозволенное, добродетельное'. Хотя для обозначения запретного действия не всегда употребляется слово «грех», другая типичная для христианского сознания лексика («они же *святые*», «*унаси Господи, нельзя убивать*») показывает, что анализируемые запреты и предписания включены в сферу народного православия:

(2) «От их — грех бить, ужак. Ужак бить нельзя [запрет], они же святые [мотивация], а змею (гадюку) бить надо [предписание]» (АКФ 1995 Волгоградская обл., собиратели Е. Борисова, Е. Парфенова).

(3) «Ну, ужей упаси Господи, нельзя убивать [запрет]. Надо на лопаточке в балку вынести [из дома] [предписание]» (АКФ 1997 Ростовская обл., собиратель И. Брилева).

Как показывают примеры, запрет и предписание, контрастирующие в тексте, относятся к одной и той же ситуации, задавая правила поведения в ней (ситуация встречи с ужом: *нельзя* убивать ↔ *надо* вынести из дома — № 3), или же описывают разные ситуации, сопоставимые на основании схожести объекта регламентированного действия (гадюки и ужа): ситуация встречи с гадюкой (змеей) и предписание убить ее ↔ ситуация встречи с ужом и запрет убивать его (№ 2).

Запреты и предписания образуют единую систему «правил», в которой наказание за нарушение запрета уравнивается наградой за выполнение предписания:

(4) «[исполнитель]: Когда увидишь змею, старайся убить [предписание], когда убьешь змею [выполнение предписания], сколько грехов с себя сн[имешь] [награда], да, это говорят [...] Вот ужака убьешь [нарушение запрета] — грех [наказание]; если змею убьешь [выполнение предписания], грехи спадывают [награда].

[собиратель]: А почему ужей нельзя убивать?»

[исполнитель]: Его нельзя, и он... змея — серая, а он — желтоватый, его сразу угадаешь, что это не змея, ужак. А ужак грех бить даже [запрет]: у него крест на голове [мотивация-2]. А змею стараются убить [предписание], сколько грехов... [награда]» (АКФ 2000 Волгоградская обл., собиратели Е. Борисова, М. Гаврилов).

В данном поверье сопоставлены две разные ситуации: встреча со змеей и встреча с ужом; поведение в первой ситуации нормируется предписанием, а во второй — запре-

том. Регламентация поведения в каждой из ситуаций имеет свою мотивацию — награда за выполнение предписания и наказание за несоблюдение запрета. Основной прием построения текста — противопоставление: предписание убивать змей контрастирует с запретом убивать ужей; награда за выполнение предписания («*грехи спадывают, сколько грехов с себя снимешь*») прямо противоположна наказанию за нарушение запрета («*ужака убьешь — грех*» — т. е. *грех прибавится*). И награда, и наказание вводят идею посмертной судьбы человека и Божиего суда. В результате запроса собеседника (в данном случае — собирателя) причин существования запрета эксплицируется вторая, не вербализованная первоначально, мотивация — указание на особую («свещенную», сакральную) природу объекта запретного действия (ужа), знаком чего является его отмеченность крестом — одним из основных христианских символов.

В качестве мотивации анализируемого запрета функционируют также этиологические легенды — повествования, представляющие собой народные обработки ветхозаветного сюжета о всемирном потопе и Ноевом ковчеге. Связь с христианским сюжетом способствует осмыслению запрета убивать ужей как греховного действия, апелляция к библейским образам подтверждает неизблемость существующих норм:

(5) «Почему говорят, змея она ядовитая, а вот красная головка, красная головка — она не ядовитая. И ее, говорят, убивать грешно. Убивать грешно [запрет]. Потому что, когда ковчег прохутился, а эта красная головочка взяла и заткнула дырочку. И заткнула эту дырочку [мотивация = сюжетное повествование]. Ее, говорят, грешно убивать [запрет]» (АКФ 1998 Ростовская обл., собиратели Е. Кузьмук, Т. Кузьмук) — поверье + этиологическая легенда.

(6) «Ужаку грех бить [запрет]. Потому что, когда был потоп, то ковчег проела мышка, а ужака, как плавала по воде, и головочкой заткнула, ей Господь покрасил головочку [мотивация-2 = сюжетное повествова-

ние]. *И бить ее — грех [запрет]. Она в каждом доме живет, она же святая [мотивация-1]*» (АКФ 1995 Волгоградская обл., собиратели Е. Живица, Н. Феклисова) — поверье+этиологическая легенда.

(7) «*[Ужи] домашние, вот у нас, они есть дома у нас. Глянешь, а она ползет, но я их не бью [соблюдение запрета]. Мне давно-давно рассказывала старуха одна, а у ней был дедушка грамотный, начитанный... И вот она мне за них рассказывала. Когда-то, давно еще, погибал пароход, они взяли эти дырочки и заслонили своими головами. И-от какие ужаки их заслоняли, в общем змеи (их, вроде, ужак, Бог не создавал), — она-то мне говорила, — и-от какие головами своими позаслонили туды дырочки-от им Бог и дал красные головы [мотивация-2 = сюжетное повествование]. От их — грех бить, ужак. Ужак бить нельзя [запрет], они святые [мотивация-1], а змею — гадюк — бить надо [предписание]*» (АКФ 1995 Волгоградская обл., собиратели Е. Борисова, Е. Парфенова) — поверье + этиологическая легенда.

В приведенных сверхжанровых единствах наблюдается два уровня объяснения запретного действия: мотивация, входящая в структуру поверья, — указание на особую природу ужа, его сакральность («неядовитость», «святость», красную головку как знак Божией отмеченности; связь с домашними духами)⁵ — мотивация-1, и сюжетное повествование, раскрывающее причины такой «избранности» и рассказывающее о той роли, которую сыграл уж в спасении ковчега Ноя (мотивация-2). Мотивация-1, таким образом, представляет собой «свернутую» мотивацию-2. Номинация запрета (собственно запрет) представлена в текстах, как правило, два раза: в начале — как основание для последующего рассказа и в конце — как итог, вывод, к которому приходит рассказчик. Декларация запрета (*нельзя / грех делать*) может быть замещена указанием на выполнение этого запрета («я их [ужей] не бью»), т. е. норма задается констатацией соблюдения «правила». Рассматриваемые нарративы

(этиологические легенды) образуют с поверьями один текст и функционируют как единое целое.

Глубинная мотивация анализируемого запрета может быть связана и с древними мифологическими представлениями уже как о домашнем духе. Не будучи центральными, эти представления отражены в цитируемых выше текстах («она [ужака] в каждом доме живет», «[ужи] домашние, вот у нас, они есть дома у нас») и выступают в ряду прочих характеристик сакральной природы ужа («она в каждом доме живет, она же святая»), в других же нарративах они становятся основными для объяснения причин существования запрета. На Дону ужа, которого видят в доме или во дворе, до сих пор называют *доможилом*, *домашней змеей*, *домохозяином* или *домохозяйкой*. По народным верованиям, между домашним ужом и проживающей в доме семьей, а особенно главой (хозяином) семьи, существует определенная связь. Появление ужа в доме может предвещать скорое возвращение находящегося в отъезде хозяина, а убийство ужа грозит домохозяином смертью. Соответственно, в функции мотивации рассматриваемого запрета выступают нарративы (былички) о смерти или несчастьях людей как последствия убийства ужа. Смерть как неотвратимое наказание за нарушение запрета (такая детерминация наиболее типична для незнающего альтернативы архаического сознания: «нарушение табу → смерть»)⁶ изображается в большинстве быличек, бытующих в качестве комментария малых фольклорных форм и имеющих своей целью утешить слушающего, закрепляя определенную норму, «былички оказываются экспликацией правил, кодифицирующих повседневную жизнь, реализацией известного педагогического принципа о преимуществах усвоения *per exempla* (а не *per praescepta*)»⁷. Так, в приведенном ниже примере (№8) быличка о наказании (*смерть хозяина дома*) за нарушение запрета/ невыполнение предписания (*умерщвление ужа*) и быличка об исполнении приметы (*появление в доме ужа предвещает возвра-*

шение хозяина) как награде за соблюдение запрета/ выполнение предписания (*не убивать, а выносить ужа*) возникают вследствие запроса собеседника (в данном случае — собирателя) причин существования запрета-предписания, сформулированного ранее исполнителем, и функционируют как комментарии к поверью:

(8) «[исполнитель]: Ну, ужей упаси Господи, нельзя убивать [запрет]. Надо на лопаточке в балку вынести [из дома] [предписание].

[собиратель]: А почему нельзя убивать?

[исполнитель]: Ну, считают, это они не вредные [мотивация-1] (поверье). У нас была корова, а я погнала корову, а там из травы бурьян такой растет. И я наломала на веники [...] Навязала веников [дома]. Один веник связала, положила, другой веник... А последний взяла — шлеп: она, красноголовая змея, с рук упала. Я ее и шлепнула [убила] [нарушение запрета / невыполнение предписания]. Она ж (уж) — хозяйка [мотивация-1]. А муж у меня болел тогда. А после этого умер. Так и есть — умер. А потом змеи эти, красноголовые, полезли, замучили нас [наказание] [мотивация-2 = быличка о наказаниях].

А еще случай был. Ленке [дочке] тогда три года было. Кричит: «Мама, мама, козявочка красненькая!» А муж мой в Белой Калитве тогда на переподготовке был. Я бегу, а под кроваточкой лежит змея [...] А она [мама исполнителя]: «Да это хозяин скоро придет!» Поняла? И она его взяла на совок, веником помогла ей на совок и вынесла [выполнение предписания] Через два дня Ванька [муж] пришел [награда] [мотивация-3 = быличка о сбывшейся примете как награде за соблюдение запрета-предписания]» (АКФ 1997 Ростовская обл., собиратель И. Брилева) — поверье+быличка.

(Б). Некоторые христианские грехи осмысляются в народной традиции в соответствии с древними мифологическими представлениями и выражаются в текстах в отличных от христианской традиции категориях. Так, греху уныния (частный слу-

чай которого — тоска по покойному) соответствует запрет сильно тосковать по человеку:

(9) «А одна проводила одного сына в армию, один остался с ней, а муж тоже на войне. Она тоже плакала за этим мужем [нарушение запрета], потом прислали похоронку. Потом она стала тощая, стлела совершенно, а была такая женщина! И все догадывались: к ней летает змей [наказание]. А она никому не признавалась. Потом она совсем дошла; и конец, наверно, скоро. И потом она сказала, что каждую ночь приходил к ней ее муж и она с ним жила» (АКФ 1996 Ростовская обл., собиратель И. Брилева) — быличка.

(10) «Одна рассказывала. Дочка уехала далеко, а она затосковалась по ней, прямо до смерти [нарушение запрета]. И вдруг, беленькая собачка лохмателькая тащит веревку [удавиться]. И говорит: «Давай, беги веревку» [наказание]. Та молитвы стала творить [молитвы ~ магические слова, действия] — пропала собачка [отмена наказания]» (АКФ 1995 Волгоградская обл., собиратель Т. Дианова) — быличка.

(11) «Вот загорюешься [нарушение запрета], тогда уже он в виде змея прилетает, покойник [наказание]. Тогда уже бабушки эти лечат [магические действия, чтобы остановить наказание] (поверье). Да у нас одну так бабуку убил. Она, видно, загоревалась [нарушение запрета], и старушка к ней ходила ночевать. И вот, говорит, кто-то постучит — она вскакивает и открывает, а это же он приходил, покойник. И до того доходило, что соседка видала: летит, говорит, какой-то огненный как хвост и где-то опустится... И где-то утром старушка пошла коров доить. И вот он туда как опустился, что когда пришла сестра, она лежит. Так вот это место черное (грудь), как копытном ударенное [наказание] [иллюстрация поверья = быличка о наказании]» (АКФ 1996 Ростовская обл., собиратель И. Брилева) — поверье + быличка.

В приведенных примерах формулировка запретного (греховного) действия отсутст-

вует, 'грех' эксплицируется через мотивы *нарушения запрета и наказания* за него. Цель анализируемых быличек — служить прецедентом, закрепляя (утверждая) правила поведения. Сюжетные повествования функционируют как мотивация (невербализованных, в данном случае, запретов) — №9, №10 или как иллюстрация общего положения ('*не делай того-то, а то случится то-то*'), уже сформулированного в поверье («развитие заданного сценария») — №11. В качестве наказания за нарушение рассматриваемого запрета в данных текстах изображается смерть. Персонификацией смерти является стремящаяся увести человека за собой нечистая сила. Действия человека, совершающего запретные действия, нарушают космический порядок, в результате чего исчезает граница между реальным и сверхъестественным мирами и представители мира «иноного» (огненный змей, нечистый в облике умершего или собачки и т. п.) вторгаются в повседневную жизнь человека, пытаются забрать его. Предотвратить, остановить наказание возможно с помощью магических действий или молитв, которые часто функционируют в нарративах именно как магические заклинания (№9, №11). «На месте кардинальной для христианской этики категории покаяния мы находим в народной нормативной системе представление о том, что совершенный грех можно искупить специальными магическими действиями и тем самым избежать положенного наказания или смягчить, ограничить его»⁸.

Мотивы 'магические действия/слова → отмена наказания' не являются для анализируемой группы сюжетов ключевыми и, в отличие от мотива наказания, представлены факультативно, поскольку основной акцент делается на неизбежности наказания за совершение греховного действия.

Запрет (грех) тосковать по умершему иначе мотивируется в текстах, вводящих перспективу посмертного существования:

(12) «*Ну, говорят, он тонет там [наказание]. Когда плачешь [нарушение запрета], тонет у воде, затопишь его слезами [нака-*

зание]. Так старые люди говорили» (АКФ 1993 Волгоградская обл., собиратель Т. Дянова) — поверье.

(13) «*Мне снилось. Как вот я в Шахтах жила, и у меня комнатка такая. Как глянула [...] — воды! Она [умершая] там плачет [наказание]. А я: «Ой Верочка, да чего ж ты делаешь?» Она говорит: «Тетя Катя, это не я — это ты [нарушение запрета]» [мотивация = рассказ (сон) о наказании]*» (быличка). *Видите, какие сны! Нельзя плакать [запрет]. Топишь, топишь в слезах даже [наказание за нарушение]*» (поверье) (АКФ 1997 Ростовская обл., собиратель И. Брилева) — быличка + поверье.

В приведенном поверье и иллюстрирующем его нарративе нашли отражение народные представления о загробном мире, о существовании «того» света, однако идея посмертной судьбы как итога земной жизни и Божьего суда в нем не выражена. Мир земной и посмертный представлены как взаимопроницаемые друг для друга. Объектом наказания оказывается не тот, кто нарушает запрет, а тот, на кого это запретное действие направлено. Несоблюдение запрета изображается как причина нарушения устойчивого порядка вещей (что типично для архаического сознания), с той лишь разницей, что негативные последствия запретных действий, совершенных на земле, немедленно проецируются в мир иной и сказываются на покойном. Наказание исходит не от Бога и даже не от неперсонифицированных высших сил, а как бы от самого нарушающего запрет («*это ты... топишь в слезах*», «*когда плачешь, затопишь его слезами*») и по форме аналогично запретному действию (*плакать — тонуть в воде*). В свою очередь, и согрешивший (сильно тоскующий по умершему) испытывает негативные последствия нарушения запрета: видит тяжелые сны о мучениях покойного, получая, таким образом, знак о необходимости исправить ситуацию, восстановить миропорядок — перестать тосковать и плакать.

Возникающий на основе запрета текст-комментарий может быть организован за

счет совмещения нескольких мотиваций. Приведенный ниже сюжет (№14) о смерти как наказании за нарушение запрета тосковать по умершему возникает в речи рассказчика как продолжение, иллюстрация поверья о неизбежности наказания вообще. Поверье, в свою очередь, включает в себя пословицу о Божией строгости, но справедливости:

(14) «Господь долго терпит, но больно бьет (пословица). И не поймешь. Даже не тебя накажет, а твоих детей или твоих внуков. Господь всех наказывает» (АКФ 1999 Брянская обл., собиратель И. Брилева) — поверье.

Следующий далее нарратив не развивает сформулированную в поверье идею ответственности рода, социума, всего человечества за отдельные людские грехи, но подтверждает мысль о неизбежности наказания через рассказ о последствиях конкретного запрета — тосковать по умершему. Повествование начинается с сообщения рассказчика о нарушении им запрета. Дальнейшее расширение текста происходит за счет введения второго рассказчика, цель которого на примере своего личного опыта убедить первого не совершать запретные действия. В качестве аргументации используются все возможные объяснения, при этом одна мотивация представлена в свернутом виде, в форме поверья — «не делай то-то, а то будет то-то» [мотивация-1], другая выстраивается в сюжетное повествование — быличку о наказании за нарушение запрета [мотивация-2]. Первая мотивация раскрывает негативные последствия нарушения запрета для покойного, вторая — для тоскующего. В финале как вывод из сказанного еще раз декларируется запрет (*нельзя плакать*), контрастирующий с предписанием (*надо Бога просить*). И запрет, и предписание относятся к одной ситуации (*смерть близкого*) и задают правила поведения в этой ситуации:

(14 — продолжение) «Вот [...] у меня сын умер. Сын умер в 33 года, военный был. И я стала плакать [нарушение запрета] Она [соседка] мне говорит: «Не плачь [запрет].

Крепко плохо будет, ему там, ему плохо будет [наказание] [мотивация-1]. У нас, — говорит, — мама умерла (ее мама). Она [мама] каждый день ходила [на кладбище], каждый день плакала [по мужу] [нарушение запрета]. И вот пошла опять. Пошла и плакала, плакала, пока — глядь, а он [муж] стоит перед ней. И она как ахнула, ахнула и повалилась на могилку [...] Лежит, привезли, она полежала, не пила, не ела и умерла [наказание] [быличка=мотивация-2]. Нельзя плакать, нельзя ходить и плакать. Слезы, слезы это вот, — она на мене говорит, — не плачь, не плачь, — говорит, — нельзя [запрет]. Он всегда в слезах, всегда в воде будет лежать. Мертвый — всегда ему очень тяжело [наказание] [мотивация-1]. Нельзя плакать никогда — надо Бога просить [запрет — предписание]» (АКФ 1999 Брянская обл., собиратель И. Брилева) — поверье + быличка.

Таким образом, одна из форм реализации в народной культуре концепта 'грех' — его «архивация» через «систему правил» (запретов и предписаний). Экспликация и вербализация таких составляющих концепта 'грех' (и их взаимных связей), как *запрет*, *запрет* ↔ *предписание*, *нарушение запрета* → *наказание* и др. практически исчерпывает логическую структуру и композиционную организацию проанализированных малых фольклорных форм, во многом определяет основное сюжетное развитие комментирующих их нарративов и принципы соединения первых и вторых в единые сверхжанровые образования.

¹ Библейская энциклопедия. М., 1891 (1990). С. 177.

² Толстая С. М. Преступление и наказание в свете мифологии // Логический анализ языка: Языки этики. М, 2000. С. 374.

³ Виноградова Л. Н., Толстая С. М. Запреты // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2. С. 269; Топорков А. Л. О принципах глубинной мотивации бытовых запретов // Этногенез, ранняя этническая история и культура славян. М., 1985. С. 82–84;

Христофорова О. Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах. М., 1998. С. 22; Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. С. 113.

⁴ АКФ — архив кафедры фольклора.

⁵ Запрет на какое-либо действие может также мотивироваться не сакральностью, а «греховностью» объекта действия. Например, в старообрядческой среде чай считается «греховным», «проклятым», в силу чего пить его грешно: «[Когда распинали Христа] все травы от великой скорби приклонились, а одно чайное дерево стояло прямо, за что и было

проклято Господом, вот почему старые люди до сих пор считают пить чай великим грехом» («Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О. В. Беловой. М., 2004. № 755).

⁶ Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М., 1996.

⁷ Цивьян Т. В. Оппозиция мифологическое / реальное в поздних мифопоэтических текстах // Малые формы фольклора. М., 1995. С. 133.

⁸ Толстая С. М. Грех в свете славянской мифологии // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. М., 2000. С. 35.